

Сяо Тао Хун всем сердцем хотела убить Цзи Хэна, но она никак не ожидала, что Цзи Хэн будет хорошо подготовлен. Видя, как её партнёры падают один за другим, она почувствовала себя неловко, но также покраснела и бросилась к Цзи Хэну, несмотря ни на что.

Цзян Ли вздохнула про себя.

Она не могла ясно видеть выражение лица Сяо Тао Хун, но, судя по её действиям, сердце Сяо Тао Хун было расстроено. Тем не менее это правда, что никто не думал, что люди Труппы Золотого Дома были солдатами-самоубийцами, которые пришли, чтобы убить Цзи Хэна. Игра Сяо Тао Хун на сцене была изысканной, но она никак не могла ожидать, что Цзи Хэн видел слишком много разнообразных пьес. Правда это или ложь – этот молодой человек мог ощущать подобное за версту.

Люди в труппа Золотого Дома думали, что они разыгрывают пьесу для Цзи Хэна, а Цзи Хэн действительно считал саму труппу Золотого Дома пьесой.

Красивый, ленивый и кокетливый молодой человек обладал исключительно изящными движениями, и хотя его фигура был не так стремительна и резка, как у Сяо Тао Хун, но Цзи Хэн был подобен охотящемуся ядовитому зверю, приближающемуся к своей добыче без напряжения и медлительности. Цзян Ли даже не видела, как они сражались, она просто чувствовала, что Цзи Хэн легко воспользовался золотым шёлковым складным веером, чтобы сломать кинжал в руке Сяо Тао Хун.

Он без колебаний прервал движения Сяо Тао Хун и упёрся краем веера ей в подбородок.

Цзян Ли ощутила, как озноб пробежал по всем телу.

Даже если она однажды уже умерла, даже если её в прошлом пытали Гунчжу Юн Нин и Шэнь Юй Жун, девушка не чувствовала себя такой, как Цзи Хэн, который, казалось, наслаждался пребыванием в таком кровавом окружении. Цзян Ли не могла быть такой, как он. В то время, как молодой человек был здесь, как рыба в воде, сама Цзян Ли испытывала только одно желание – побыстрее уйти.

Сяо Тао Хун была сдержанна. Красавица, похожая на нефрит, рухнула на землю, совершенно отринув свой прекрасный облик. В этот момент она была подобна жалкому животному, которое было убито другими. В сложившейся ситуации она даже не могла покончить с собой.

Цзи Хэн сделал два шага вперёд и встал перед Сяо Тао Хун, Сяо Тао Хун была вся в кровавой жиже, но углы великолепного одеяния Цзи Хэ совсем не были запачканы её кровью.

Он всё ещё высокомерно стоял наверху, Цзи Хэн всё ещё оставался всего лишь театральным зрителем, который не ест приготовленную людьми пищу (1).

- Я давал тебе шанс, - Цзи Хэн слегка наклонился к актрисе-убийце, словно жалея её, и тихо произнёс: - Жаль, что ты предпочла отказаться.

В глазах Сяо Тао Хун промелькнул страх, и Цзян Ли ясно увидела его.

Даже для солдат-самоубийцы было естественно сохранять последнюю надежду, потому что любому живому существу было свойственно испытывать страх смерти. То, что они были готовы идти на смерть, не означало, что у них не было никакого плана, как избежать этой самой смерти. Но когда они теряют свой последний козырь - прекращение жизни по собственному желанию, то всё то, с чем им приходилось сталкиваться после этого, было в десятки тысяч раз страшнее смерти.

Такова истина с древних времён.

Цзян Ли узнала стражника по имени Вэнь Цзи, который подошёл к ним и сказал Цзи Хэну:

- Мой господин, осталось десять живых ртов.

Страх в глазах Сяо Тао Хун стал ещё хуже. При таких обстоятельствах Цзи Хэн всё ещё мог сохранить жизнь десятку нападающих, сохранить для себя десять ртов, готовых рассказать правду. Это было действительно ужасно. Самое главное было то, что означали эти десять живых ртов. Это означает, что есть больше возможностей, которыми можно воспользоваться, и человеческая природа не выдерживает испытания. Те же десять солдат-самоубийц в частной тюрьме могут выдать гораздо больше правды, чем солдаты-мертвецы в государственных застенках.

Цзи Хэн не упустит этой возможности.

- Вы, ребята, хорошо исполняли пьесу. Очень жаль, - улыбнулся Цзи Хэн.

---

1. 不食人间烟火 (bù shí rénjiān yānhuǒ) - литературный перевод - не ест пищу, приготовленную людьми - идиома, описывающая человека, который покинул светский мир, отрёкся от мира, стоит над материальным, свободный от мирских забот.